

Слово
про Б. Є. Патона

В. С. Галузинская

АУРА ИНТЕЛЛЕКТА¹

27 ноября 1918 года состоялось первое общее учредительное собрание Украинской академии наук (УАН), на котором избрали председателя-президента Владимира Вернадского и постоянного секретаря академии Агатангела Крымского. В тот же день в семье профессора КПИ Е. О. Патона, в тихой квартире на территории КПИ, родился второй сын. Едва ли в этой семье предполагали, что под одной крышей живут уже два будущих академика едва состоявшейся Украинской Академии наук.

Несколько ранее, 14 ноября 1918 года, был издан приказ гетмана Скоропадского по Министерству народного просвещения об утверждении первичного состава УАН из двенадцати действительных членов академии. Перечислять мы их не будем, но справедливо сказать, что это были двенадцать истинных апостолов идеи украинской государственности. 18 мая 1918 года В. Вернадский из Полтавы писал: «Я полагал бы необходимым, создаваемую академию ввести, возможно, теснее в общение с русской, но не немецкой наукой, — сия связь с славянскими учеными очень желательна».

Там же, но ранее, основоположник сообщает: «Я надеюсь набросать записку об организации Академии наук и привезти ее... в Киев. Мне кажется, надо стать решительно на новый путь, на котором стоит Петроградская академия наук, еще дальше расширив эту организацию. Академия наук не простое общество, не имеющее своих институтов (подобно устарелой по организации, Парижской, которая, впрочем, тоже начинает меняться), но Академия наук есть собрание государственных ученых учреждений: библиотека, архив, геологическая или, если возможно,

географическая карта, национальные музеи, институты для опытных и гуманитарных наук должны быть обставлены достаточными средствами».

Итак, после мучительных споров и долгих препирательств, проходивших по принципу «два украинца — три гетмана», обрела себя Академия наук Украины. В очень скором времени ее ждали тяжелые испытания. Власть в Киеве менялась едва ли не ежедневно, и каждая из властей относилась к Академии по-своему. Гетман, Директория, атаман Коновалец, большевики, деникинцы, снова большевики — вот немногие из тех сил, которые поочередно занимали Киев. Директория, например, хотела эвакуировать Академию, деникинцы — закрыть, большевики — парализовать ее деятельность ревизиями как «нелояльную к советской власти». С самых первых дней своего существования новое сообщество ученых проявляло гибкость и способность к сотрудничеству с властью. Например, на требование Директории об эвакуации 25 января 1919 года общее собрание УАН ответило постановлением, где говорилось: «Академия наук как наивысшее научное учреждение не должна покидать Киев и обязана вести без перерыва свою культурно-просветительскую работу, необходимую для народа».

Очень важное заявление. Сегодня, когда многие бодрые реформаторы требуют немедленных инноваций, пора напомнить, что культурно-просветительские функции Академии, предусмотренные основателями, никто не отменял, а слоган «все на продажу» уместен в академии только в самых трагических обстоятельствах.

Большевики сначала не обижали академиков. Выделяли, например, удобные и красивые здания в самом центре Киева. В Левашовском пансионе на Владимирской улице, как вы помните, и по сей день расположен президиум НАН Украины. А вот

¹ Из книги: В. С. Галузинская. Феномен Патона. Портрет в интерьере двух столетий. — К.: Наук. думка, 2010. — 264 с. (Глава 10. Письма из ниоткуда. 3. Письмо второе. Аура интеллекта, 2002. — С. 239–242).

в Коллегии Павла Галагана, на улице Б. Хмельницького, где сначала строили Национальную библиотеку, сейчас Литературный музей.

Видимо, советская власть понимала, что выжить при ней очень трудно. Поэтому для ученых предусматривались продуктовые пайки, выдавались дрова, керосин и даже галоши. Академикам разрешалось содержать нетрудоспособных членов семьи, но не более трех лиц. Невзирая на эти заботы, ученые одними из первых стали жертвами тяжелейших репрессий советской власти.

Президентами Академии наук Украины были исследователи разных направлений, но люди всегда выдающиеся. Например, геохимик Владимир Вернадский, ботаник Владимир Липский, биолог Даниил Заболотный, медик Александр Богомолец.

27 февраля 1962 года Общее собрание Академии наук УССР избрало президентом академика Бориса Патона. Ничего случайного в этом не было. Проблема научно-технического прогресса и отставания от стран Запада в полной мере встала перед послевоенным советским обществом. В новых условиях лидером мог стать человек, обладающий не только выдающимися личными качествами, но и знающий, «как это делается»: как соединить военную науку и производство, а потом получить сугубо технический и экономический результат. Иногда этот результат оказывался и политическим.

Сейчас об Академии говорят, что это закрытая корпорация, государство в государстве. Хорошо это? Плохо? Скорее, хорошо, поскольку позволяет обществу иметь золотой человеческий запас, некий интеллектуальный фонд, генерирующий в критических обстоятельствах решения и идеи. Не стоит скрывать, что членство в НАН Украины было и остается самым престижным из всех предлагаемых обществом поощрений. Двадцать лет, — с середины 60-х до середины 80-х годов прошедшего столетия, — именуемые прессой «периодом застоя», были золотым веком для Академии наук Украины. Дело не только в достижениях ученых конкретно. Сам духовный климат их существования отличался от того, в котором жила страна.

Человек, появившийся здесь, скажем, в середине 60-х годов, мог досадовать на многие обстоятельства — консерватизм, медлительность карьеры,

сложную иерархию. Трудно было только одно — покинуть это сообщество ученых, независимо от того места, которое в нем занимал. Потому что за порогом, как в открытом Космосе, не было воздуха, и каждый с изумлением наблюдал коррозию человеческих, духовных и политических ценностей в государстве. То есть лицемерие было уже нестерпимым, цинизм — беспредельным, а декларируемые цели — далекими от реальности.

Иными словами, в Академии человек имел отношение к тому, что при любых переменах общественной жизни остается заслуживающим уважения, — к науке, а аура интеллекта без всякого партийного благословения осеяла тех, кто исследовал звездное небо или искал в полях и заповедниках травы, еще не изученные натуралистами.

А вообще, как у всякого есть «свой Пушкин» и «свой Шевченко», так у причастных — своя Академия наук. Пока публика митинговала, кто-то, возможно, не отрываясь смотрел в электронный микроскоп или на пламя сварочной дуги. В разгар так называемой перестройки, когда люди в недоумении метались по улицам в поисках самой простой еды, а рэкетеры деловито и методически навещали киоски, мне случилось попасть в Институт электросварки.

В большом зале, заполненном станками и приборами, разговаривали, отвечали на телефонные звонки, входили, выходили и принимали посетителей. А почти в самом центре невозмутимо сидел господин в берете и, ни на секунду не отвлекаясь, копался в высоком и блестящем металлическом сосуде, сильно напоминающем обычное ведро. Делал он это настолько сосредоточенно, что, не выдержав, я спросила — зачем этот сосуд, и что он там внутри делает? «Это, — ответил он, — будет производить новые виды металла в космосе». И замолчал. Больше отвлекать его я не решилась...

Вот так выглядел типичный академический человек в момент одного из самых острых катаклизмов нашего времени, когда большая часть общества пыталась выжить, а меньшая — что-нибудь приватизировать. Уверена, что «двойник» этого ученого сидел где-нибудь в архиве, сосредоточенно размышляя, например, о роли масонских лож в истории Украины в начале прошедшего столетия. У каждого из этих людей — своя академия. Они видят фрагмент, осколок. Всю картину видит президент. В сложный момент

истории он не позволил реорганизовать Академию «по парижскому и берлинскому типу», не пошел на поводу хищных потребителей грантов, которые пытались «до основания, а затем...»

...Сейчас часто сетуют, что молодежь не идет «в ученые». Ну что, же — всему свое время. Думаю, академик Борис Патон хорошо понимает, что наступит и такой момент, когда обогатившийся бизнес сочтет за честь вкладывать деньги в академическую науку. А новый выходец с полтавских просторов, с благородным профилем Григория Саввича Сквороды, поспешит занять свое место среди ученых будущего. Украинского будущего...

И ЭТО ВСЕ О НЕМ¹

*Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?!*

Н. ГУМИЛЕВ

Однажды мне случилось познакомиться с очень необычным человеком. Это было в начале 80-х годов прошедшего столетия, когда представление о Западе было и романтическим, и восторженным.

«Прекрасное далеко», которому официально не рекомендовалось подражать, куда почти бессмысленно было стремиться обычному человеку в любой роли, кроме, конечно, жалкой роли эмигранта, познавалось в основном из художественной литературы.

Но какая удивительная это была литература — сегодня уже классика, шедевры прозы XX столетия, бережно и благоговейно переведенные тогда на русский и украинский языки. Не собираюсь их перечислять, но скажу, что начиналось это познание, эта полоса счастья с американца Хэмингуэя, немца Ремарка, англичанина Ивлина Во и, скажем, французенки Франсуазы Саган.

Границы страны, в которой мы жили, были непроницаемы для международного «ширпотреба» сегодняшнего дня, а также необъяснимо холуйского, глупо подражательного отношения к Западу. Карпатский эдельвейс, дивный цветок отечественных гор, почему-то имеющий немецкое название, едва ли вырастет в Париже. Равно как и многие социаль-

ные технологии бессмысленны в условиях просто детской растерянности одних людей и хищной, наглой, совсем нетипично западной повадки других.

Человек, о котором я завела речь, большую часть взрослой жизни провел на Западе. В качестве кого? Разведчика, разумеется. Но это выяснилось не сразу. Самый обычный был человек, веселый, неопределенного возраста. Легко изображал рубаху-парня в случайной компании. Но мог быть въедливо официален, если ему что-нибудь не нравилось. Не нравились ему обычно посторонние люди. А еще какая-то тень бездомовья и слишком долгой работы витала над ним. Как если бы он вернулся домой после долгой работы или войны, а вокруг все слишком переменялось. Действительно, тень конца витала над началом распада державы. И эта «тень» ему активно не нравилась. Ну, а прежде чем подружиться с кем-нибудь, он тщательно изучал вопрос. Довольно специфическими методами. Какими? Почитайте детективы.

¹ Из книги В. С. Галузинская. Феномен Патона. Портрет в интерьере двух столетий. — Киев: Наук. думка, 2010. — 264 с. (Глава 6. И это все о нем. — С. 167—169).

Надо сказать, что это меня развлекало. Но иногда и сердило. Зачем это? — однажды спросила я. А он, подумав, ответил: «Другие люди знают о человеке намного больше, чем он знает о себе сам».

Вот ради этой фразы я и рассказываю эту историю. Надо же, я сама знаю о себе меньше, чем другие люди? Это как бы немного обидно, но очень интересно, расширяет границы личности.

Звали этого человека Валерий Иванович Н. Даже спустя много лет я не решаюсь назвать его имя полностью. Очень скоро, прямо на глазах он из полковника стал генерал-полковником. И что особенно удивительно, он отлично знал Академию наук УССР с какой-то своей, особенной стороны.

Эта сторона, во-первых — сохранение государственных тайн, а во-вторых — научно-техническая разведка, результаты которой, кроме прочих учреждений, обязательно предоставлялись Академии наук УССР, о чем говорить и тогда, и сейчас было не принято.

Не скажу, что получила от этого человека уроки человеколюбия, но уроки человековедения — наверняка. Равно как и понимание того, что внутренняя политика государства связана с внешней политикой, что особенно важно осознавать сегодня.

Однажды, занятая очередной книгой, я спросила, что этот человек думает о Патоне?

Он призадумался, улыбнулся и сказал:

— Патон — это наше все.